

**МАРИЯ
АРБАТОВА**

МЕНЯ ЗОВУТ

ЖЕНЩИНА

(СБОРНИК)

Мария Арбатова

Меня зовут женщина (сборник)

«ФТМ»

Арбатова М. И.

Меня зовут женщина (сборник) / М. И. Арбатова — «ФТМ»,

ISBN 978-5-17-043667-5

Все это произошло со мной только по той причине, что я – женщина. И пока будут живы люди, не считающие это темой для обсуждения, это будет ежедневно происходить с другими женщинами, потому что быть женщиной в этом мире не почетно даже в тот момент, когда ты делаешь то единственное, на что не способен мужчина. Мария Арбатова
Содержание сборника: Наталья Гончарова
Последнее письмо к А. Меня зовут женщина
Аборт от нелюбимого
Опыт «Социальной скульптуры»
Уроки Европы
Учителя

ISBN 978-5-17-043667-5

© Арбатова М. И.

© ФТМ

Содержание

Наталья Гончарова	5
Последнее письмо к А	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Арбатова

Меня зовут женщина (сборник)

Наталья Гончарова

Уж кто лучше меня знает, что злоупотреблять случайностями – верный способ превратить историю в авантюрный роман, но, уезжая на дачу, я действительно купила книгу Марины Цветаевой с воспоминаниями о художнице Наталье Гончаровой. В моем возрасте такие книги покупают в корыстных целях, в бескорыстных они куплены двадцать лет назад, зачитаны, залистаны и заиграны друзьями. Прелесть данной Цветаевой состояла в том, что страничка на русском дублировалась страничкой на немецком и означала привычное с детства насилие: «Открой рот, это не только вкусно, но и полезно». Каждое лето я делала вид, что привожу в порядок язык, хотя относилась к разряду интеллигенции, которая в вузах «в обязательном порядке изучала историю партии и иностранный язык, чтобы не знать ни первого, ни второго».

Я каким-то образом объяснялась по-немецки, но внятно это получалось либо по жизненным показаниям, либо в условиях германоговорящих сексуальных отношений. Поллета истязая себя требованием прочитать «Наталью Гончарову» по-немецки, я возненавидела ни в чем не повинную художницу, саму себя и запущенный сад, в котором так славно валяться под яблоней, отгонять книжкой насекомых и мурлыкать: «Ваш нежный рот сплошное целованье...» Непропаханная немецкоязычная Наталья Гончарова укоризненно качала головой с обложки, а я подростково хамила ей: «Как хочу, так и отдыхаю!»

...В зимних сумерках я вышла из Дома литераторов и побрела к Никитским воротам. Прерывая кайф одинокого гулянья под крупным снегом, передо мной возникла высокая восточного вида молодуха с однозначным англоговорящим акцентом:

– Извините, не могли бы вы мне подсказать, где находится церковь, в которой венчался Пушкин?

– Пойдемте, она в двух шагах, – ответила я, примеряя выговор к видавшим виды дешевым сапогам, среднеарифметическому стеганому пальто и по-мусульмански низко завязанному платку. «Студентка из Эмиратов? Курдская беженка? Славистка из третьего мира?» – пронеслось в моей голове.

– Меня зовут Наталья Гончарова, – сообщила спутница.

– Очень приятно, – с тоской ответила я. Уж если в километре появляется сумасшедший, то он обязательно мой.

– Это очень смешно, что в России меня все время принимают за сумасшедшую. Это говорит о бережности, с которой вы относитесь к Пушкину. Я предполагала, что он известен в вашей стране, но не подозревала, что причислен к сану святых, – откликнулась она. – Я приехала из Новой Зеландии. Там небольшая, но очень славная русская диаспора. И конечно же, предельно мифологизированная. Я приехала разрушать собственные мифы.

– Ну, и как идет процесс разрушения? – Какая-то в ней была лажа, я не могла схватить это пониманием, но ощущала внутренним сопротивлением. Она была двадцати – тридцати лет, стройная, сутуловатая, нелепая, невероятно энергетичная, с горящими, лукавыми и винноватыми глазами.

– Процесс идет увлекательно. Я с удовольствием рассказала бы вам об этом подробно, если вы позволите. Мне очень не хватает интеллектуальной среды в вашей стране. Это не комплимент, это аргумент. Я приехала по делам Парижского института человека. И если вы обратили внимание, то в достаточной мере владею психотехниками и довольно быстро читаю ваши мысли, – сказала она в извиняющейся манере.

– Похоже на то, – промямлила я. Всякой булгаковщины и всяких экстрасенсов терпеть не могу, сама занималась эзотерикой достаточно для того, чтобы понять, какие недоучки и неудачники ее нынче собой набили. – А что это за заведение, Парижский институт человека?

– Это попытка изучать человека не аналитически, а синтетически, прогнав дискретные символы и оказавшись в целостном мире, – улыбнулась она.

– В нынешних условиях смахивает на шаманство. И что, это солидное заведение? – Я понимала, что меня дурят, но не понимала, в каком месте.

– Смотря что вы считаете солидным, сегодня я была в Российской академии наук. – Она достала из невнятной сумки лоскут факса и заглянула в него. – Это называется Ленинский проспект. Шизогенное здание на ветреном месте. Так вот, люди, которых мне представили как цвет науки, произвели на меня, как на целителя, впечатление психически некомпенсированных и социально опасных.

– Вы русская? – навязчиво спросила я.

– Полагаю, что нет. Бабушка чистая русская. Как вы поняли, я из побочной ветви Натальи Гончаровой, вдовы поэта Пушкина. А мамыны родители уже смешаны с майори. Я не знаю, какой процент какой крови во мне, в Новой Зеландии это не принято обсуждать. Я приехала по линии «Гринписа», поэтому не имею возможности дать свои московские координаты, по условиям работы мы должны сохранять их в тайне. Если вы позволите, я попрошу ваш телефон. Мне было бы интересно поговорить о литературе и политике. – Она протянула лоскут факса.

Я чувствовала себя идиоткой. Факт чтения ею моих мыслей существовал налицо, из-за этого я автоматически беседовала с ней, как рабыня с вежливой жрицей. Моей профессией действительно была литература, профессией моего мужа – политика. Но из трех основных жизненных искушений деньгами, славой и чудом искушение чудом я уже прошла изо всех сил и возбуждалась на собеседницу не как заблудший на проповедника, а как собиратель насекомых на экзотическую стрекозу.

Надписывая на листе факса телефон, я успела прочитать текст. Ха-ха, в нем ничего не выпадало из информации, предложенной этой, извините за выражение, Натальей Гончаровой.

В юности мы все гоняли блюдечко по столу, учили наизусть Кастанеду и Лили, замысловато сидели в йоговских позах и медитировали на кончик собственного носа. Когда только начал открываться сезон экстрасенсирования, я, закрыв глаза, часами водила ладонями, определяя сначала край стола, потом рельеф комнаты и, наконец, большой человеческий орган. И преуспела бы в этом виде спорта, учитывая, что в таблице эфемерид у меня пять планет во «Льве» и по части агитации могу кошку уговорить жить в воде, а рыбу – вить гнездо на дереве. Подвело чувство ответственности.

С пациентами моего друга начали приключаться истории: воспаление придатков вылежит, а она, глядь, под машину попала; ухо починит, а сверху, хлоп, и инсульт. Быть дизайнером тришкиного кафтана мне не хотелось, а других законов кроя российские школы не имели. Другие законы кроя предполагали образ жизни, приняв который, человек содержал свою душу в отчаянной чистоте, я бы даже сказала, в стерильности, как скальпель перед операцией. Но такие истории происходили далеко в дацанах и монастырях, а наши целящие решали с пациентами собственную проблему власти и денег.

Ну, Наталья Гончарова, ну, мысли читает... подумаешь, делов, я тоже могу научиться, только зачем. Двери в магию открыты всем, желающим принести в жертву огромное время и огромные силы. Там хорошо, но мне туда не надо.

Зачем я дала ей телефон? Мало ли таких бродит по старым улицам Москвы? Вся международная психиатрия высадилась нынче десантом! Не произведя себя в счастливые люди дома, бросились самоутверждаться за счет нашего переходного периода, есть нашу большую энергетику большими фирменными ложками и взваливать на нашу неустроенность собственные поиски смысла жизни.

Поболтается, поболтается здесь в гринписовском комбинезоне, пару раз получит по морде во время экологических акций, забеременеет от русского бандита, приняв его за «лишнего человека», потом вернется в Новую Зеландию, расскажет о том, что в ее жизни были настоящие события, и получит кафедру в университете. Сколько я уже таких видела... Как говорят англичане, начинающий жизнь со скандала кончает ее институтом.

Впрочем, в моей семье достаточный шабаш, чтобы Наталья Гончарова пришлась ко двору. Семидесятилетняя матушка, всю жизнь как врач назначавшая антибиотики в девяносто девяти случаях из ста, прозрела и стала целительницей, вместе с ней это сделал мой брат, недоучившийся философ. Повесив на стенку международные дипломы, написанные иероглифами и подписанные голландским гуру, они начали принимать больных. Я и сама по малодушию пользовалась матушкиными услугами. Я понимала, что это как колоться грязным шприцем, но ритм жизни не всегда позволял кипятить шприц, и, не брезгуя черным юмором, я не брезговала и черным ящиком.

Появившись в доме, Наталья Гончарова ни на одну секунду не заинтересовала моего мужа. Раздевшись, она оказалась красивой стройной восточной девушкой в кофточке из золотого люрекса и мешковатых бархатных штанах. Голова была по-прежнему до бровей завязана платком.

– Я вернулась из патогенной зоны, у меня на лбу раны, пусть это не смущает вас, госпожа Мария, – заметила она за обедом.

– Что едят в Новой Зеландии? – спросила я осторожно. Мне неудобно было ловить ее на фальшивой новозеландскости, мне было все равно, откуда она, меня волновало, почему юная красивая девка стала такой умной.

– В Новой Зеландии много блюд из баранины, риса и овощей. Остальное как везде: те же пиццы, те же «Макдоналдсы», те же полуфабрикаты. Бабушка готовит какие-то русские блюда, но они совсем другого вкуса, чем здесь. Представьте себе «эппай» с киви вместо яблок. Так размываются все ностальгии, даже пищевые, – грустно ответила Наталья Гончарова.

О, как много сил она потратила на завоевание моего мужа. Она принесла в подарок огромную дорогую новую книгу по экономическим теориям на английском, поставила ему несколько ужасных диагнозов и тут же предложила лечение, предсказала колоссальную карьеру в политике. Он остался холоден.

Наталья была не кокетлива как девушка из западной университетской среды, в какой-то момент я даже подумала о лесбийской ориентации, с женщинами она вела себя игривей. Впрочем, это было другое, это было колоссальное табу на пол. Она одевала тело по правилам, но вовсе не собиралась пользоваться им, реализовываясь сексуально, и вела себя как огромный тактичный вундеркинд. Она перепробовала к мужу кучу интеллектуальных ключей, но он был закрыт, как сейф.

– При всех социальных фазах человек уничтожал природу, и прогресс страшен увеличением масштабов уничтожения, – говорила Наталья, барабанила длинными пальцами по столу.

– Человеческая природа и состоит в том, чтобы уничтожить природу. Человек выделился из природы именно тем, что начал нарушать ее законы, – говорил муж.

– Но «Гринпис» добивается нового стандарта в отношениях с природой, – упорствовала Наталья.

– Новый стандарт связан не с изменением человеческой природы, а с тем, чтобы уничтожение природы происходило с меньшим дискомфортом для самого человека.

– Но, господин Олег, человечество рассталось с такими вещами, как рабовладение, возможно, скоро оно начнет рассматривать охоту в качестве гуманитарного преступления, – предположила Наталья.

– И тогда вы будете осуждены за кожаный ремешок на ваших часах и котлету, которую только что ели. А может быть, вы напишете табель о рангах, о том, что у медведя и зайца есть

душа и их убивать нельзя, а у курицы и таракана нет души, и их убивать можно, – глумился муж.

– Пока ваша политическая элита будет смеяться над экологическими идеями, Россия обречена, – грустно сказала Гончарова. – Я недавно разговаривала с господином Горбачевым, он думает примерно как вы.

– С Горбачевым? – переглянулись мы.

– Да, это была бестолковая конференция. – Она достала из сумки фотографию, на которой чокалась шампанским вместе с Михаилом Сергеевичем. На обратной стороне было написано: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое! Наталье Гончаровой от Михаила Горбачева».

Мы снова переглянулись.

– Какое счастье, что в России больше нет монопольного объяснения мира и простая новозеландка может оппонировать господину бывшему президенту, – усмехнулась она.

– Неужели ты не мог быть повежливей? – распекала я мужа потом.

– Она меня раздражает.

– Но чем? Обычный светский треп.

– Она играет по другим правилам. Я не могу понять, по каким, но вижу, что мне это не нравится. Она безупречна; но я ощущаю колоссальное давление. Как собеседник она неинтересна и совершенно необразованна.

– Хоть бы сказал спасибо за книжку! – пристыдила я.

– Она не похожа на человека, осознающего ценность этой книги... Интересно, где она ее украла?

– Почему ты думаешь, что иностранка, участвующая в конференциях с Горбачевым, крадет книги? – обиделась я.

– Наверное, у Горбачева и украла, – предположил муж.

То, что наш дом – «палата № 6», Наталья Гончарова поняла, еще когда заприметила меня на улице. В трех комнатах ютились шесть персонажей. Я, не юная писательница, со всеми признаками успешности, кроме денег. Сыновья-близнецы, вылетевшие из престижного лицея за аморальное поведение, доучивающиеся в школе для «особо одаренных и трудных детей», играющие в рок-группе на бас-гитаре и ударнике. Муж, правительственный чиновник с имиджем художника. Бывший муж, певец классического плана с имиджем растерявшегося супермена. И матушка-целительница, изысканно умудряющаяся всю честную компанию ссорить между собой.

Собственно, у нас с мужем было рабочее общежитие в виде двухкомнатного номера в гостинице «Академическая», у бывшего мужа – любимые женщины с жилплощадью, у сыновей – ночевки по друзьям, а у матушки – квартира моего брата. Так что, начав материализовываться без предупреждения, Наталья построила отношения со всеми по очереди.

Через месяц, собравшись вместе за ужином, мы создали банк информации, в нем лежало:

Наталья Гончарова живет у «мадам Дины» и оставила телефон туда.

«Мадам Дина» – вдова известного ученого и контактера, общается с инопланетянами, родители Натальи Гончаровой погибли в автокатастрофе, и говорить об этом ей тяжело.

Наталья Гончарова нашла себя в России, после того как начала мыть полы в московской церкви и стала ее истовой прихожанкой.

Наталья Гончарова занимается целительством в Институте стоматологии и привела матушке оттуда пациентку.

Наталья Гончарова – сильный экстрасенс, но лечить себя не дает и держит в тайне дату своего рождения, чтобы не стать жертвой вмешательства астрологов в судьбу.

Наталья Гончарова показывает фокусы, просит задумать слово или рисунок, перенести это на бумагу и отгадывает, в ошибках замечена не была, узнав дату приближающегося дня рождения матушки, Наталья Гончарова готовится к нему.

Наталья Гончарова стояла на Арбате с щучелом крокодила и экологическим плакатом, денег при этом не собирала.

Наталья Гончарова проходит в метро мимо контролера, глядя ему в глаза и не показывая проездного.

Наталья Гончарова богата и приносит продукты из очень дорогих магазинов.

– Твоя любовь к экзотике должна знать разумные пределы, – вздыхал муж, но я уже затащила на Наталью и, видя, как она нуждается в нашем доме, сокращала дистанцию. В ней было качество, отчетливо влюбляющее меня, она была бескорытна. Я часто порывала с многолетними подругами, замечая, как из шкурной искры возгорается пламя. Вроде еще те же глаза, та же улыбка, но сквозь них такой пожирающий блеск и плотоядное беспокойство, которые быстро смешают карты, и человек начнет не то писать, не туда ходить, не на то ставить, а там уж и поминай как звали...

В Наталье были совершенно иной блеск и совершенно иное беспокойство. Характеристика личности начинается с уяснения ее потребностей. Я не могла уяснить Натальиных потребностей, но то, что я чувствовала в ней, меня не отталкивало.

Мне пришлось в голову подарить ей замученный лежанием в саду экземпляр немецко-цветавеской повести о Наталье Гончаровой.

– Еще одна Гончарова? – удивилась Наталья. – Но это неинтеллигентно, это – глупый плагиат. По-немецки читать не люблю. Знаете, госпожа Мария, я с детства ненавижу все эти: «Morgen, morgen, nur nicht heute!» – пропела она именно тот стишок, которым меня доставали в нежном возрасте.

Ударили морозы, и Наталья стала появляться в видавшей виды цигейковой шубе. Шуба была не по росту, и Наталья Гончарова выглядела совсем как мы в совковом детстве, когда тяжеленная маловатая цигейковая шуба и точно такая же бесформенная шапка были залогом зимнего гулянья.

– Я выгляжу экзотично, но мадам Дина силой надела это на меня. В Новой Зеландии я не привыкла носить такие тяжелые вещи и чувствую себя, как черепаха, ненавидящая панцирь. Кстати, я считаю черепах более высокоорганизованными существами, чем крысы, – сообщила Наталья.

В руках ее на смену сумке пришел пакет, содержимое которого она демонстрировала. В пакете жили ключ, разбросанные небольшие российские рубли и доллары, расческа. Из чрезвычайных вещей появлялись дорогуший сундучок с кодовым замком и загадочным назначением; дискеты, каждый раз не желающие совмещаться с нашим компьютером, а потому так ни в чем не признавшиеся; дефицитные импортные лекарства, благотворительно несомые кому-то, и разнообразная печатная продукция в виде проспектов, приглашений и документов с предельно престижных и предельно разнообразных мероприятий.

Наталью интересовало все, и практически на все темы она годилась порассуждать в нахвтанной парадоксальной манере. Только такой зануда, как мой муж Олег, не нашел в ней ничего любопытного. Ее речь была убедительна той убедительностью, которая задается своеобразием сопоставлений, архитектурой рассуждения и ритмом. Убеждала не фригидная логика, а магия слов. У нее не было границ языка, она пользовалась языком, как пользуется действительностью постмодернист, создавая изобразительное произведение. У нее не было границ языка, потому что у нее не было границ мира.

– Она все время научничает, но для такого рода рассуждений необходим научный аппарат. Наука – это ритуал, он не работает без ссылок, без отталкивания от последних достижений и культуры дискуссии, – настаивал муж.

– Роль, которую играл прежде шаман, принадлежит нынче научному эксперту! – ехидно цитировала я.

– Совершенно верно, – отвечал муж. – Ты утоляешь тоску по шаману Натальей Гончаровой, имеешь право. Но при чем тут я?

На день рождения моей матушки Наталья пришла с таким торжественно-возвышенным лицом, будто это молебен во спасение человечества или вручение государственных премий.

– Я первый раз в вашей стране на дне рождения, госпожа Людмила, – сказала она, как обычно, чуточку виновато. Сняла платок и рассыпала по плечам черные густые прямые новозеландские волосы. Собственно, для того чтобы быть красавицей, ей не хватало только пары размеров бюста, смягченной пластики и сознания своей привлекательности. Но Наталья Гончарова к собственной женственности собственным интеллектом не обращалась, она жила мимо нее.

– Обожаю быть свахой, – захлала я на эту территорию. – У меня есть для вас женихи.

– Я рождена для другого предназначенья, – сурово ответила Наталья. – Я не могу принадлежать мужчине, потому что я принадлежу всему человечеству.

Она принесла в подарок кожаный кошелек, внутри которого сидел плоский будильник. Попытки заставить его звенеть не удались ни одному из присутствующих пяти технически одаренных мужчин.

– Ужасно, – залилась краской Наталья. – Видимо, он испортился при перелете из Новой Зеландии. Только человек может выдержать почти тридцатичасовой перелет, техника ломается! Я чувствую себя такой виноватой... Я испортила всем праздник.

Чтобы отвлечь ее, я достала красочный проспект на английском, приглашающий меня на тусовку австралийских писательниц.

– Это очень хорошая поездка, – сказала Наталья, подробно прочитав его. – Я возьму проспект с собой и позвоню в аэропорт, чтобы подобрать вам самый удобный рейс. Многие, особенно мужчины, предпочитают делать остановку в слаборазвитых странах с дешевыми борделями. Я не советую этого, без ориентирующегося спутника вас обманут и обкрадут прямо в аэропорту.

– Тридцатичасовой перелет, это ужас, – застонала я.

– Да, госпожа Мария, пожалуй, для Австралии сейчас не сезон, давайте лучше проведем фестиваль в Англии, я так соскучилась по Лондону, – сказала Наталья. – У вас ведь есть пьеса с экологической тематикой?

– Да. У меня есть пьеса «Семинар у моря» об интеллигенции, собирающейся на семинар в момент чернобыльской аварии. Она однажды исполнялась на фестивале и не имела больше никакой театральной судьбы, – призналась я.

– Отлично. Вы хотите, чтоб пьесу ставил русский или английский режиссер?

– Конечно, русский. Английскому слишком много придется объяснять.

– Мы сделаем фестиваль «Русские за экологию», только одного спектакля будет мало. Можно попросить господина Александра, чтобы капелла, в которой он работает, также приняла участие с какими-нибудь экологическими произведениями.

– У нас нет таких произведений. Разве что «Я пойду, пойду погуляю, белую березу заломаю», – хихикнула я.

– Это вполне подходит. Еще мы сделаем семинар по русской политике, его проведет господин Олег. Я уверена, что у нас все получится, я завтра же дам факс своей подруге в английский фонд, поддерживающий подобные проекты.

Через неделю Наталья принесла факс от подруги из Лондона, та была в полном восторге от идеи фестиваля и начала искать под него деньги. Мы не поверили, потребовали подтверждения от руководителя фонда. Получили. Считать, что ночами Наталья Гончарова летает в Лондон, чтобы давать фальшивые факсы, мы не решились. Дело застопорилось из-за другого. Все экземпляры пьесы «Семинар у моря» исчезли мистическим образом.

Они исчезли не только из моего буфета, к которому, клянусь, Наталья не подходила, да и пойдти найди там пьесу среди тонны бумаг. Они исчезли из литературных частей театров и редакций театральных журналов, как платья с булгаковских участниц сеанса черной магии.

Надо сказать, я отнеслась к этому философски. Когда я написала эту пьесу, мой друг и наставник поэт Александр Еременко сказал:

– О Чернобыле нельзя писать художественную литературу. Это мистическое событие, оно требует другого способа исследования.

Видимо, факсы Натальи Гончаровой подожгли краешек пространства, на котором лежала пьеса. Правда, говорят, рукописи не горят. Так что если у вас дома по каким-то причинам оказалась пьеса «Семинар у моря», верните ее, пожалуйста, вознаграждение гарантируется.

Уж не знаю, как с другими, но по нашей семье Наталья Гончарова решила ходить, как конь по шахматной доске. Сначала она назначила моего бывшего мужа несчастным и начала опекать его. То она ходила на концерты духовной музыки капеллы, в которой он работал. То таскала псевдоэзотерические книжки и журналы, которыми уже мощно промышленяли московские издательства, то подолгу беседовала с ним о... впрочем, это было ни о чем, но очень душевно и многозначительно. Наталья Гончарова работала бальзамом на всякую возвышенно-растерянную душу.

Она, например, садилась и рассказывала, что только вчера вернулась из закрытого центра по производству психотропного оружия, и даже подробно чертила психотропный генератор. Показывала, какую гимнастику делают ниндзя и филиппинские хилеры, чтобы легким прикосновением глобально демонтировать человеческую плоть. Приносила копию рукописи Чеховского и Чижевского, хранящейся в архиве РАН, «О передаче мыслей на расстоянии», начатой в 1926 году. И материалов о группе Чеховского, тринадцать членов которой собирались вокруг стола в экзотических мантиях и пытались порешить Сталина с помощью воздействия на бюст, обклеенный волосами вождя, купленными у личного парикмахера, пока их не замели органы.

Она вообще все время говорила или внимательно слушала, она не могла остаться в тишине, она боялась тишины.

Как-то в профессиональном комитете драматургов мой нынешний муж должен был рассказывать об экономических реформах. Для него это было дело привычное, на смену моде на эстрадных сатириков и юмористов пришла мода на эстрадных экономистов и политологов. Муж сидел в красивом шелковом костюме перед пожилыми писателями и обращался с их мифами о ситуации в стране, как археолог с костями мамонта. Конструктивно и бережно. Прелесть ситуации состояла еще в том, что это были смотрины. Моего бывшего мужа в профкоме драматургов знали лет десять и совершенно не желали менять на нынешнего. Недостаток нынешнего заключался в том, что он вписывался в образ врага. Прежний был такой же растерявшийся в сегодняшнем дне художественный интеллигент, как и все профкомовцы, не разбирая возрастов и жанров. Новый был не отягощенный жильем и деньгами, пришедший в политику из науки после путча, но все же правительственный чиновник. Старики были недовольны моим выбором.

Жизнь профкома драматургов больше всего напоминала огромную семью, в которой старшие упустили бразды правления, молодежь перестала слушаться, а ритуалы почему-то еще соблюдались.

Присутствующие на вечере не столько слушали моего мужа, сколько показывали, как они умны и продвинуты, а главное, как смелы и как долго и витиевато способны ругать власть, отказавшую им в содержании. Я сидела и любовалась тем, как Олег, поднаторевший в работе с разными партиями, структурировал дискуссию. Меня не покидала надежда, что старики оценят его ум и обаяние. Зачем мне это было надо? Ума не приложу...

Наталья Гончарова, которой было отказано в личных дискуссиях о политике, собиралась прийти на вечер, но, видимо, не смогла. Как только я вспомнила об этом с сожалением, меня позвали из зала.

Я вышла. Около чайного стола стояла Наталья Гончарова вместе с моим бывшим мужем в окружении главных профкомовских сплетников.

– Я очень благодарна господину Александру, что он проводил меня сюда. Я потеряла записку с адресом, – сияя, сообщила Наталья, развязывая платок.

– Наталья пришла домой и попросила, чтобы я помог найти ей профком, – оправдывался бывший муж на мой взор, обещающий крутую расправу.

– Спасибо тебе, ты очень мило поступил, – сказала я с интонацией «я думала, что ты полный идиот, а ты оказался еще полнее».

– Я пошел, – сообщил бывший муж.

– Я не пойду без вас на вечер, господин Александр! Вы оказали мне такую услугу. Вы потратили столько времени. Это неудобно. Я не пойду без вас, – закричала Наталья, завязывая платок на голове.

– Наталья, – еле сдерживаясь, чтоб не выматериться, объяснила я, – в профкоме драматургов есть секция цирковой эстрады, но сегодня не ее вечер. Сегодня вечер, на котором мой муж рассказывает о политике, и я предупреждала вас об этом!

– Конечно, мы и пришли на этот вечер. Господин Александр тоже интересуется политикой, мы всю дорогу говорили про политику и экономику. Нам будет очень интересно, – сказала Наталья и снова начала развязывать платок.

– Отлично, ему лично Олег прочитает лекцию дома за ужином. А сейчас это неудобно. – Я представила себе индийское кино, которое зрители устроят из вечера, если эта парочка переступит порог зала.

– Я не всегда понимаю ваших российских предрассудков. Ведь господин Олег и господин Александр в прекрасных отношениях, почему мы не можем зайти в зал? – возмутилась Наталья Гончарова, снова завязывая платок.

– У меня не получится быстрого объяснения. Короче, я не люблю, когда кто-то, даже из самых лучших побуждений, вторгается в мое частное пространство и решает, по каким законам в нем должна происходить внешняя жизнь! – рыкнула я.

– Господи, – всхлипнула Наталья и зашептала молитву. – Я почувствовала, что нанесла вам огромную обиду! Простите меня. Просите меня, госпожа Мария. Хотите, я встану перед вами на колени?

– Вот уж, пожалуйста, без этого, если можно. – Я была на последнем пределе.

– Мы уходим! Каждый день я переворачиваю страницы мира величиной с целую комнату, сегодняшняя страница мне особенно тяжела! – возопила Наталья, поклонилась в пояс застывшим от наслаждения сплетникам и вымелась, утащив за собой моего бывшего мужа.

Минут пять вокруг чайного стола была финальная сцена «Ревизора». Потом все одновременно задышали и заорали:

– Это новая жена вашего бывшего мужа?

– Она иностранка и говорит с акцентом!

– Наверное, он уедет с ней в Америку!

– Какая она эмоциональная женщина!

– Ужасная сцена! Вам, вероятно, очень тяжело!

– Почему она так себя ведет, она, наверное, актриса!
– У нее вид сумасшедшей!
– Они специально пришли, чтоб испортить вечер!
– Ваш бывший муж не будет счастлив с такой странной женщиной, давайте найдем ему русскую невесту!

Я выслушала все, стараясь не обращать внимания на счастливый блеск в глазах убедившихся, что я не перешла в новую завидную номенклатурную жизнь, осталась в том же коммунальном бардаке, что и они.

– К сожалению, – выдохнула я, – это не женщина моего бывшего мужа. Это Наталья Гончарова из побочной ветви супруги Пушкина, приехавшая из Новой Зеландии спасать Россию. Все посмотрели на меня с жалостью, поняв, что в новом браке мой мозг перенапрягся.

Наталья долго обижалась на меня за эту сцену. Приходя, она демонстративно уходила в комнату матушки рассказывать всякий раз новую историю. Однажды это была история про однофамилицу, а возможно, и родственницу по дедовской линии легендарную Урсулу, ставшую для Натальи идеалом женщины.

Урсула родилась в семье адвоката Айзенштадта на пять лет позже моей матери, родившейся в семье ученого-агронома Айзенштадта. Война застала мою матушку московской студенткой и отправила рыть противотанковые траншеи, а Урсулу – пятнадцатилетней кенингсбергской девочкой и «забрила» в кавалерию. В сорок пятом матушка вернулась в Москву из эвакуации и продолжила учебу, а Урсула попала в организованный кубанскими казаками концлагерь, где русские зверски насильовали девушек из немецкой кавалерии. В сорок шестом году матушка продолжила учебу, а Урсуле с помощью сочувствующих казаков удалось бежать, раненная в ногу, она переплыла Эльбу и попала к «союзникам». Дядя и мой отец, служивший в качестве военного журналиста, вернулись с войны, у Урсулы погибли практически все. В пятидесятых Урсула стала инструктором Красного Креста, матушка поменяла медицинскую карьеру на семью. Урсула усыновила двух малышей под Калькуттой, матушка родила сына и дочь в городе Муроме, куда отца выслали преподавать философию в военном училище. Урсула на старости лет стала хранительницей имения Рерихов в Гималаях, матушка получила диплом рейки-терапевта и занялась целительством. Такая вот история современниц. Причем совершенно подлинная.

* * *

Наталья была набита историями разных степеней правдивости. Она то пересказывала всемирную историю, то путалась в таблице умножения.

Как-то мы заговорили о Пушкине.

– Наталья, мне тридцать семь лет, – сообщила я сокровенно. – Вы молоды, вам не понять, что это значит.

– Не забывайте, что у меня нет возраста, – деликатно напомнила Наталья Гончарова.

– Вы не понимаете, что значит тридцать семь для человека, считающего себя ангажированным русской литературой. Это покруче, чем возраст Христа. Жизнь ждет от меня поступков – я жду от нее событий. И мы каждую секунду в претензии друг к другу.

– Вам мало того, что в октябре в день вашего развода с бывшим мужем произошел путч и именно благодаря путчу вы встретили своего нынешнего мужа? – удивилась Наталья.

– Я имею в виду не событийный ряд. Мне казалось, я должна понять что-то главное. Какая-то глобальная завеса должна подняться с моих глаз. Например, я вдруг отчетливо увидела все про «Пиковую даму».

– Про пиковую даму? – переспросила Наталья.

– Тайну трех карт графине открывает граф Сен-Жермен! Француз! Пушкина тоже убьет француз! Лиза, Лиза – «воспитанница». В слове «воспитанница» главная краска «спит». Пушкин носил это слово в лексиконе активнее других. Что такое «Германн» в переводе? Это фаллический мужчина! То есть Германн, под видом того, что хочет спать с Лизой, пытается выяснить, где лежит философский камень, – меняет любовь на корысть! Перед смертью графиня выдает ему рецепт для гражданской смерти Германна и дату смерти Пушкина. Тройка, семерка, туз! Это тридцать семь и надгробие. Что больше всего напоминает туз? Могильную плиту! Странно, что никто из пушкинистов этого не просек... Точно такое же убийство старухи потом произойдет у Достоевского! Раскольников, как и Германн, тоже имеет сходство с Наполеоном. А помните, старуха является и говорит, что прощает свою смерть, если он женится на Лизе, индифферентно это путь в любовь как спасение от гибели, – возбужденно вещала я. – А в финале Германн ставит туз, и вместо туза оказывается пиковая дама!

– Гениально. Гениально, госпожа Мария, – подумав, ответила Наталья. – Герой хочет обменять близость с женщиной на дорогу к философскому камню и получает вместо этого путеводитель к собственной смерти. Это красиво. Это как русская сказка: направо пойдешь – смерть найдешь, прямо пойдешь – богатым будешь, налево пойдешь – счастливым станешь. Герой идет за деньгами, незаметно отклоняется от вектора и находит смерть. Пошел бы за счастьем, отклонился бы, ну, в крайнем случае стал бы богатым... Гениально. Но при чем тут дата смерти Пушкина? Ведь «Пиковую даму» написал Чайковский...

Часто Наталья долго сидела в комнате у моей матушки, разбирала пузырьочки и тюбики. Она доставала какие-то лекарственные препараты для опекаемых из Института стоматологии. У нее были ломовые ходы в фармакологические распределители, моя матушка не находила названий рассыпанных на диване лекарств даже в последнем справочнике Машковского. Они были свежие – из Парижа в кастрюльке. Там же валялась удивительная лечебная косметика. Ничего подобного в российской продаже не было. Наталья Гончарова объясняла, что это помощь по каналам «Гринписа».

Она так много рассказывала, что матушка, сначала воспринявшая ее как человека, создающего чувство опасности, раскрыла рот и слушала, как Шехерезаду. Что Наталья Гончарова занимается геофизикой Земли и геофизика исключительно сильно реагирует на безнравственность человеческой цивилизации. Что она не снимала платка, потому что ездила лечить черныбыльских детей и видела такое, что волосы ее поседели, а сейчас они удачно покрашены. Что она приехала в Россию писать книгу о человеке, книга эта будет сделана как шар, из нее, как ломти из арбуза, можно будет вынимать тот или иной раздел проблем, и в каждой арбузной дольке будут свои ячейки. Что ее друг – директор гомеопатической аптеки и она вылечит окружающих новым поколением лекарств, при этом демонстрировала пакеты с корой и травами. Наталья была параноидально-возвышенная натура, и хотя демонстрировала себя в качестве истовой христианки, все время бубнила клятву буддистских монахов, что, если на земле миллионы существ, монахи клянутся спасти их всех.

Еще в нашей квартире у Натальи наметилась тенденция ронять в коридоре ключи и деньги и возвращаться за ними так поздно, когда уже можно ожидать приглашения к ночлегу. Но я слишком тревожна, чтобы заснуть в присутствии подобного существа в квартире.

Жилье моего брата Наталья Гончарова брала длинным штурмом. Она забежала однажды в гости, оставила вещи, пообещала вернуться за ними и вернулась в час ночи. Матушка оставила ее переночевать. Проснувшись, матушка и брат обнаружили убранную кухню, сервированный стол и приглашающую к нему Наталью. Это их не насторожило.

Наталья ввинчивалась в квартиру брата, как штопор в пробку. Они часами беседовали о восточной философии и способах целительства, пока, по истечении нескольких месяцев, Наталью не занесло на повороте.

– Господин Сергей, госпожа Людмила, обещайте, что позволите мне маленький поступок, который доставит вам впоследствии большую радость, – промурлыкала Наталья и выманила согласие. Затем она бросилась в комнату брата и начала с астеническим рвением передвигать мебель. Попытки остановить ее вербально успеха не принесли. Матушке вообще показалось, что они находятся в состоянии глубокого гипноза и не в силах противостоять гончаровской деятельности. Надо сказать, в этом жилище вещи десятилетиями не меняли своих мест. Схватив предмет в дальней комнате, Наталья без всякой логики перетаскивала его в коридор, вываливала книги и одежду на середину комнаты, вцепившись в платяной шкаф, потребовала помощи, сообщив, что у нее больное сердце, и, не получив помощи, рванула его так, что сломала дверь.

Брат ждал пациентку, но на уговоры Наталья не реагировала и в моторно-двигательной истерии приводила квартиру во все более и более дикое состояние. Уронив на ногу пудовую гирию брата, она, как радистка Кэт во время родов, совершенно без акцента заорала «мама». В рукопашном бою брата с Натальей Гончаровой пострадал журнальный столик и погиб телефонный аппарат. Понятно, что пациентка пришла в ту секунду, когда квартира имела наиболее не похожий на кабинет целителя вид, и на лечение не решилась.

Матушка в состоянии ступора ушла к соседям, а брат жестко велел Наталье вернуть все на свои места или хотя бы цивилизовать в новом варианте, что она отказалась сделать в весьма оскорбительной форме.

– Я человек медлительный, но к вечеру раскатаюсь и убью тебя, – сказал брат Наталье, как утверждает, без всякой иронии. В ответ на это она начала разбрасывать книги и вещи еще активней.

В бессильной ярости он связал ей руки и посадил ее в наказание в темный чулан. Просидев там молча полчаса, Наталья была изгнана. Не знаю уж, какие примеси отношений существовали в их интеллектуальной стимуляции друг друга, но инстинкт старого холостяка подталкивал брата надеяться, что он видит Наталью Гончарову в последний раз.

На следующий день она материализовалась на пороге с лейтенантом милиции.

– Господин Сергей, я привела к вам господина капитана, сейчас он будет чинить дверь и столик, которые я сломала, а потом принесет новый телефонный аппарат, – промурлыкала Наталья, и лейтенант начал чинить дверь.

Это был сильный ход, все подозревавшие, что милиции она боится, онемели. Лейтенант, твердо именуемый ею капитаном, действительно починил дверь, журнальный столик и принес эстетичный красный телефон, нараспев произносящий номера звонящих.

После зализывания ран на теле квартиры Наталья на некоторое время удалилась с миной оскорбленной благотворительницы. Однако хватило ее ненадолго, и она начала ходить с подарками, притащила соковыжималку и поила брата и матушку соками, бросившись в бой за их здоровье. Кроме соковыжималки и фруктов, начала таскать еду. Одергивания брата не помогали, не помогали даже сцены выбрасывания этой еды на ее глазах.

К этому часу бурная деятельность Натальи Гончаровой в одной из московских церквей привела, по ее рассказам, к тому, что прихожане разошлись во мнении сделать ее настоятельницей или причислить к лику святых. Вторым, точнее, третьим местом ее пребывания, после «Гринписа», оказалось Дворянское собрание. В каком-то госпитале она обнаружила лидера Дворянского собрания, Героя Советского Союза, фронтовика Александра Сергеевича Пушкина и начала опекать его как целительница. К этому часу она переделалась в белое дорожное пальто, дорогие вечерние туфли и выглядела вполне пристойно.

Как обычно бывает в жизни, всякий эмоциональный вихрь обрастает информацией. Наталья Гончарова была шаровой молнией, и информация о ней сыпалась как из прорехи. Я познакомилась с пожилым немецким бароном, дедушка которого переводил Пушкина на немецкий. Он слонялся по московским тусовкам, на которых за бутылку шампанского можно

было найти душевных друзей, а на титул немецкого барона молодых девушек, мгновенно отдающихся в надежде стать немецкими баронессами.

– Я нашел в России ту жизнь, которую искал всегда. Я бываю в Дворянском собрании и дружу с потомком Пушкина, – хвастался он.

– Не знакомы ли вы с Натальей Гончаровой? – спросила я.

– О, конечно. Это святая девушка. Она проводит часы у постели больного Александра Сергеевича. Она обещала поставить его на ноги!

Спросив о немецком бароне у самой Натальи, я получила очень эмоциональный ответ о том, как безобразно он относится к своим легким, как редко заваривает лечебные травы, принесенные из специальной аптеки, и как мало думает о своем не юном организме.

Вдоволь насладившись Натальей Гончаровой, я начала отправлять ее в люди. Меня мало интересовало, кто она на самом деле. То, что она говорила, и то, как она воздействовала на окружающих своим интеллектом и образом, казалось мне интересным. Мессианские ее комплексы довольно конструктивно формулировались в экологических и гуманитарных воззваниях, которые звучали, будучи произнесенными наследницей Натальи Гончаровой из Новой Зеландии.

Я связала Наталью по телефону с одной прелестной ведущей радио «Россия». Наталья обаяла и умурлыкала ведущую, та назначила встречу в прямом эфире.

В прямой эфир Наталья Гончарова не явилась, рассказав страшную историю о том, как троллейбус, на котором она подъезжала к «Останкино», столкнулся не то с грузовиком, не то с пароходом, не то с самолетом, и передала для мужа ведущей толстую красивую книгу по философии на английском. Я проверила сводки ГАИ, троллейбусного сюжета на территории Москвы в этот день засвидетельствовано не было.

Я познакомила Наталью Гончарову с очаровательной журналисткой из «Московского комсомольца», она явилась в редакцию без паспорта, из-за чего больших усилий стоило провести ее внутрь. Наталья дала большое толковое интервью про экологию, религию и отечественное дворянство, но фотографироваться отказалась, объяснив это гринписовской секретностью. Интервью вышло, и она была на седьмом небе. И теперь, звоня академикам и министрам, устраивая чьи-то дела, ссылалась на газету.

Я не отношусь к числу мистификаторов и, как драматург, убеждена, что придумщицу жизнь не переиграешь, за ней просто надо записывать. Я принадлежу к племени художников-реалистов, когда меня спрашивают о моем отношении к постмодернизму, я объясняю, что в любой российской медицинской карте и любом российском уголовном деле постмодернизма больше, чем в любой искусствоведческой энциклопедии двадцатого века.

На моих глазах «король поэтов» нашего поколения Александр Еременко вывел на поэтическую эстраду двух персонажей. Первым был водитель «скорой помощи» недюжинного роста, способный порвать на две части медный пятак, пишущий слово «педагог» с четырьмя грамматическими ошибками, мучающийся от желания кого-нибудь убить и сублимирующий это в стихах, состоящих из незарифмованного потока сознания с былинным привкусом.

Вторым был господин с тяжелой тростью на черной «Волге», представляющийся как полковник авиации, упавший вместе с самолетом, после чего и открывший литературную страницу жизни. На собственные деньги он издавал толстые книжки, состоящие из обрывков фраз, газетных страниц, карикатур и антикоммунистических лозунгов. В каждом безумии есть своя система, в книгах господина системы не было. Книгу он представлял себе как нечто, все равно какое, но подписанное его именем.

Оба они, не считаясь социально опасными и потому находясь в данное время вне лечебниц, были запущены Александром Еременко на орбиту авангардистских поэтических вечеров. Фурор был такой, что писатели, годами складывавшие в копилку постмодернистские копеечки с целью однажды купить на них честное постмодернистское имя, поблекли как актеры, обу-

ченые по системе Станиславского, когда на сцену выходит живая кошка. Это была крупная мистификация. Персонажи до сих пор обивают литературные пороги, в последние годы пополнив ряды коммунистических активистов.

Я не относилась к Наталье Гончаровой как к сумасшедшей, в которую можно поиграть. При всей нелепости ролевой архитектуры она была умнее и высокоразвитей десятков окружающих меня людей, несомненное психическое здоровье которых было подернуто толстым слоем жира. Она ощущала себя биоэнергетической рамкой и, безусловно, являлась ею, достигнув высокого состояния духа не дисциплинированной медитацией, а капризной и чуткой патологией психики.

Конечно, я могла сказать: «Наталья, вы никогда не были в Новой Зеландии и в вас не течет ни капли гончаровской крови!» – и что? это было бы правдой? ни ее взгляды, ни ее благотворительные акции не стали бы от этого хуже... Что человечеству с той правды, что Наполеон был маленького роста, а Мэрилин Монро от природы шатенка? Когда человек придумывает себя, важно только то, чтобы было придумано хорошо.

Наталья вдруг исчезла с горизонта нашей семьи. Первый звонок был от врача из Института стоматологии:

– Наталья Гончарова взяла у моего пациента деньги на лекарство и больше не появилась.
– Скажите, а как она в принципе попала к вам? – полюбопытствовали мы.
– Она приехала лечить детей, до этого она работала с детьми Чернобыля.
– При ней были какие-нибудь официальные бумаги?
– Да, исследования о пострадавших детях, проведенные «Гринписом».
– И таких бумаг достаточно, чтобы вы пустили человека лечить больных?
– Вообще нет, но здесь такой исключительный случай, она из Новой Зеландии, прапра-внучка... и к тому же очень религиозная.

– В таком случае позвоните в посольство Новой Зеландии.

– Звонили. Там говорят, что уже месяц разные люди интересуются у них Натальей Гончаровой, но у них нет сведений о такой женщине.

– С чем вас и поздравляем!

– И вас также! Потом позвонили из «Московского комсомольца»:

– В редакцию целый день звонят люди, одних она обещала спасти от рака внушением, утверждая, что раковые клетки генерируют чувство безысходности. Других предлагала отправить за границу на лечение. Она была прихожанкой в одной московской церкви и перессорила приход так, что дело дошло до рукопашной в стенах храма, кажется, даже приезжала милиция.

– Очень сочувствую, но хорош приход, в котором из-за одной молодой женщины началась троянская война.

– Но, кроме церкви, нам звонили из Дворянского собрания. Там возник ужасный скандал, выяснилось, что она фальшивая Наталья Гончарова. А потом пришло письмо из второго Дворянского собрания, что и Герой Советского Союза Александр Сергеевич Пушкин тоже фальшивый Пушкин.

– Тут уж я ни при чем.

– Но Наталью Гончарову ведь вы нам в газету подсунули.

– Да. В вашу редакцию пропуск выписывается по паспорту, вы имели возможность заглянуть в паспорт.

– Она обвела всех вокруг пальца. Это единственный человек, проникший к нам без документов.

– Это уже не моя вина.

– Мы звонили в «Гринпис», туда она захаживала и обещала организовать конференцию в Новой Зеландии.

Мне оставалось позвонить только по телефону мадам Дины.

– Наталья Гончарова уже месяц как не появляется. Она не квартирантка, она жила у меня бесплатно. Она сумасшедшая. Я ее пожалела, и теперь десятки людей звонят мне в претензии. Я не удивлюсь, если она сбежала из тюрьмы или из психушки и теперь попала обратно.

Поскольку Москва – маленький город, то через некоторое время материализовалась дама, у которой Наталья Гончарова жила до мадам Дины. Наталья была подобрана ею на каком-то психологическом семинаре голодная, ободранная и в тапочках. Дама обнаружила в девушке недюжинные таланты, английский акцент и паспорт на имя жительницы маленького украинского городка Натальи Котенко или Хвостенко. Дама была поклонницей Натальи Гончаровой и рассказывала массу историй из пушкинского супружества. В один прекрасный день Наталья Котенко или Хвостенко ушла в маминой шубе и больше никогда не вернулась.

Прошло два года. В два часа ночи в моей квартире раздался звонок в дверь. На пороге стояла Наталья Гончарова в бирюзовой модной куртке на одно плечо. Другое плечо вместе с рукой были густо загипсованы. В здоровой руке она держала пеструю книжечку, глаза ее были безумноваты, на распушенных волосах таяли снежинки.

– Здравствуйте, госпожа Мария. Я пришла так поздно, потому что у меня плохие новости. Я получила письмо от ламы о том, что некто ведет со мной энергетическую войну. Он препятствует моей гуманитарной деятельности и истощает мои силы, – сказала Наталья, и я ощутила, что она говорит совсем другое. Останками своих гипнотических сил и умений она заставляет меня пустить ее в дом.

– Извините, Наталья, я не готова поддерживать беседу в два часа ночи, – сказала я голосом твердым настолько, насколько может быть тверд голос человека, созерцающего загипсованного безумца.

– Мы должны обсудить все сейчас. Это очень серьезно, и в случае несерьезности отношения это может стать опасностью для ваших детей. – Она, видимо, была совсем плоха, потому что раньше никогда не работала так грубо. Начать манипулировать мною безопасностью детей означало разбудить во мне зверя. Я твердо поняла, что не пущу ее в дом, но еще не могла сделать этого. Она стояла немым укором с этой своей загипсованной на распорке рукой и этими своими дикими глазами.

– Наталья, я буду разговаривать с вами только тогда, когда мы цивилизуем отношения. Я замечательно отношусь к вам, но не хочу объясняться с людьми, с которыми вы играете по своим, а не по моим правилам, – оборонялась я.

– Ваш христианский долг отложить все и включиться в информацию, которую я получила от ламы, – сказала Наталья с интонацией человека, который будет повторять одно и то же до утра.

По счастью, подошел муж.

– Господин Олег, госпожа Мария не хочет понять, какая серьезная ситуация зависла над вашим домом. Вы должны заставить ее отнестись к этому со всей ответственностью, – произнесла Наталья.

– Благодарю вас, Наталья, – сказал Олег проникновенным тоном. – Я обещаю заставить ее отнестись к этому со всей ответственностью. Спокойной ночи. – И закрыл дверь перед ее носом.

Сердце у меня сжималось, я бросилась к окну. Наталья твердой походкой шла от подъезда в сторону метро.

– Куда она пойдет? – риторически спросила я.

– Туда, где была все время до этого, – философски ответил муж.

Утром на коврик у двери я обнаружила тот самый австралийский проспект о съезде писательниц, по которому Наталья собиралась планировать мою поездку, именно его она держала в руках, через два с половиной года после самого фестиваля, именно его она взяла в качестве пропуска в мой дом. Но где взяла? Взяла в квартире, где хранились вещи, и пошла

ночью с гипсом, помахивая пестрым проспектом?.. Чтобы поведать мне о христианском долге перед буддистскими ламами?..

На этом история кончилась. Если постмодернисты вступали в диалог с идеей изобразительности, пытаясь доказать ее исчерпаемость, то Наталья Гончарова вступала в диалог с идеей самой жизни, подтверждая ее многомерность и многоукладность. У нее был начисто поражен механизм взаимоотношений с собственной личностью, как бывает поражен механизм отношений с собственной внешностью, когда пластическая операция, лишив человека двадцати граммов плоти, дарит ему новую жизнь. Мир Натальи был материалом для конструирования мифов, она вышивала языком мифы, как узоры на салфетке.

Она подсаживалась на собственные истории, как на иглу, а поскольку новизна повышает в мозгу содержание веществ, сходных по действию с морфием, Наталья была мизансценной наркоманкой. Видимо, за счет этого ей удавалось использовать подсознательные функции эффективнее и свободнее, чем это делаем мы все. Она кувыркалась в них, как гимнастка на батуте, а любой из нас, оступившись на их тротуаре, ломал психический позвоночник пополам.

Лев Гумилев, которого мой муж считает Жириновским от истории, утверждал, что пассионарный взрыв выплескивает на улицы толпу юродивых и дервишей всех мастей и всегда совпадает с отрицательным приростом населения. Наталья Гончарова была человеком, которому пришлось придумать себя заново и выплеснуть на улицу. Половина из нас стала в чем-то Натальями Гончаровыми.

Иногда я встречаю ее в центре. Она одета все лучше и лучше и выглядит все более и более по-деловому. Я делаю все, чтобы она не узнала меня. Мне не о чем говорить с ней, несмотря на нежность, которую я до сих пор к ней испытываю.

Будет у вас в гостях Наталья Гончарова, передавайте привет.

7. 02. 97.

Последнее письмо к А

Зачем писать письма к адресату, которого нет? Точнее, он существует юридически и, читая это самое письмо, вынужден становиться тем, к кому пишешь, что разрушает и его, и тебя при осознании иронического расстояния между ним, реальным, и им, читающим письмо.

Человек эмигрировал для того, чтобы разорвать то, что тебе удалось или в какой-то мере удалось разорвать, находясь здесь. И если ты любишь его шефско-сестринской любовью, к которой наши бабы в принципе склонны (любовью, вмещающей в себя все – от интеллектуального флирта до эротического надрыва), то оставь в покое его, который ничем не провинился перед тобой и не хочет ничем провиниться перед той жизнью, которую выбрал. И кроме того, оставь в покое себя, у которой еще столько всего впереди и достаточно трезвый взгляд на уже решенные и еще решаемые проблемы, – скажи «спасибо» и иди дальше, потому что жизнь вряд ли даст тебе шанс сделать столько хорошего для этого человека, сколько он успел сделать для тебя за свой туристический приезд.

* * *

Фаллоκραтия узаконила любые формы мужской рефлексии и табуировала права на женскую. Все эти Генри Миллеры и их меньшие братья Аксеновы и Яркевичи, с религиозным трепетом выясняющие в литературе собственные отношения с собственными гениталиями, при том что в их иерархии гениталия занимает хозяйское положение, а рефлексия – батрацкое... Весь этот безнадежный мужской мир, в центре которого один изможденный мужской же цивилизацией фаллос, давным-давно из средства превратившийся в цель... Не приведи господи родиться мужчиной и мерить себя и мировую гармонию физиологической линейкой! Посмотрите, какая глупая эта линейка у мужчины, хотя мы с ним социализируемся одним испанским сапогом, живем на одной планете и даже спим в одной постели, дежурно или восхитительно в зависимости от взаимного зажима и положения Марса и Венеры на небе. Совсем как у Платона – «звездное небо и нравственный закон внутри».

Как интересно быть женщиной, когда дорастешь до права на это дело. Этапы большого пути, сначала из щуплости и хрупкости начинают происходить округлости, и это совершенно не к месту, потому что школьной формой не предусмотрено, и больно, и швы под мышками рисуют глубокие малиновые вмятины.

– А я не хочу ходить в форме!

– Мало ли чего ты не хочешь!

– А я не буду!

– А тебя без формы в школу не пустят!

– А я надену обычное платье, а сверху школьный фартук!

Не можешь же ты сказать: «Мне тесно, мне давит!» – «Всем не давит, а тебе давит? Ты что, лучше всех, что ли?»

Потом в браке не сможешь сказать то же самое: «Мне давит!» Школьный фартук – гимн фаллокрации. На каждый день – черный, на праздники – белый. Чтоб привыкала, падла, к фартуку с молодых ногтей. И волосы в хвостик или в косичку. Отказ от волос, символический отказ от собственных мыслей – все эти пострижения в церкви, в армии, в тюрьме...

– Это что такое? Выйди из класса! Прибери волосы! Знаешь, чем кончают девочки, которые ходят с распущенными волосами? Я бы сказала вслух, но в классе мальчики!

Или:

– Я не начну урок, пока девочки не снимут кольца и серьги и не уберут их в пеналы. Я не могу вести урок в публичном доме! – истерическая зависть к цыганистым крошкам, которым протыкают уши в младенчестве. И страшный образ правильной асексуальной училки, перед которой стыдно, которая подстригает класс, как газон садовыми ножницами, и по ночам плачет в подушку по причине собственной женской невостребованности.

* * *

Это что я такое пишу? Прозу? Проза – это то, чем говорит господин Журден? Писать прозу – это как разговаривать. Писать пьесу – это как рассказывать историю. Писать стихи – это эротика. Не люблю, когда образованность пытаются продать за искренность. Это всегда похоже на отроков с нездольными эрогенными зонами, наглядывшихся на порнухи и уверенных в глубокой приобщенности к этому делу.

Это похоже на прозу? Так пишет А., к которому написано это письмо, но А. уехал далеко-далеко и не собирается возвращаться. Я ортодоксально обидчива, но экзистенциально бережна, в балансе между моей обидчивостью и бережностью материализуется его безумный смех и глаза цвета меда.

* * *

И снова этапы большого пути... В школе на перемене:

– Ленка из седьмого «А» в туалете всем рассказывала, что она вчера стала женщиной. Такой длинный из девятого. Прямо на футбольном поле, там у ворот травка... Говорит, больно, как зуб вырвать. И кровящи!

– Больно? Наверное, надо какую-нибудь таблетку сначала от боли. Зуб же больно!

Все бегает смотреть на Ленку, ставшую вчера женщиной. Все еще в четвертом. Всем только-только вырвали молочные зубы.

– Ее теперь из школы выгонят! В старших классах всем гинеколог рентген делает, и если на рентгене видно, что уже не девочка, сразу выгоняют. И в институт никогда не возьмут. Только в ПТУ!

...Потом, в пятнадцать, все срываются с цепи – кто не сумел, те комплексуют. Кто не успел, потом всю жизнь крутятся между одиночеством, онкологом и неудачным браком, уважительно цитируя родительские запреты.

Тоскливый символ христианской культуры – недолюбленная проститутка, предлагающая любовь за деньги недолюбленному клиенту. Уберите из уравнения деньги, дайте этим несчастным заняться тем, что природа мощнее всего в них вкладывала, избыточно для того, чтобы только продолжиться, но достаточно, чтобы, построив культуру запретов, совершенно изуродоваться. Оставьте их в покое, займитесь теми, кто убивает и обижает.

– Нет! Мы не займемся! Мы будем их дискриминировать, потому что у нас тоже репрессирована чувственность, нам самим в девяносто лет сняты юные тела и их символические заменители! Мы не дадим! Мы не позволим! Человечество стоит на краю СПИДа!

...Какой-то там юношеский роман с телевизионно-признанным суперменом. Прогулки у моря и чтение Пастернака под визги чаек, ночные прибалтийские бары, перенасыщенные запахом кофе и хороших духов. А потом однажды внезапный отъезд под утро и странная записка. И лет через пять случайная встреча в гостях, когда оба не можем попасть дрожащими сигаретами в пламя зажигалки.

– Я не поняла, что случилось.

– Дело в том... Дело в том, что я был в постели не на высоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.